

Агент Ахматова - об агенте Гончаровой

После смерти Анны Андреевны Ахматовой в ее письменном столе остался целый ряд неопубликованных рукописей. Одна из них называлась "Гибель Пушкина". Только в 1973 г. журнал "Вопросы литературы" опубликовал ее. С тех пор эта работа входит во все собрания сочинений Ахматовой.

Охраняя доброе имя Пушкина и его жены, Вяземский старался снять всякое подозрение в виновности со вдовы поэта, а между тем из его построений явствовало, что именно ее легкомысленное поведение давало обильную пищу для светского злословия, которое и "резало" в конце концов великого писателя. Недостаточную убедительность тенденциозных построений князя попытался преодолеть П.Е. Щеголев в своих работах, но это не удалось сделать даже такому виртуозу, каковым был этот выдающийся пушкинист. Не знаем, как складывались отношения Щеголева с женщинами, но в его работах ощущался некий привкус женоненавистничества.

Стремление во что бы то ни стало сделать Наталью Николаевну главной виновницей гибели Пушкина было слишком откровенным, чтобы быть не замеченным даже профанами. Щеголев очень предвзято трактовал свои источники в невыгодном для Натальи Николаевны свете. Если даже сомнительные сведения служили обвинению жены Пушкина, историк не останавливался перед тем, чтобы на них опереться. В итоге получалось, что не столько Дантес был влюблен в Пушкина, "сколько она в него". Хотя Пушкина и чувствовала приближение грозы, но уже не могла оторваться от "увлекательного" Дантеса, к которому ее тянула "неодолимая сладкая сила". Работы Щеголева, так же как и сочинения Вяземского, оставляли ощущение чего-то недосказанного и недоговоренного.

Ахматова попыталась переосмыслить его построения, расцветить их психологическими наблюдениями, додумать, дописать, дообъяснить то, что оставалось темным и непонятным. От Щеголева Ахматова унаследовала неприязнь к Наталье Николаевне. Под пером Анны Андреевны жена поэта превратилась в "агентку Геккерна". Голландский посланник же был представлен этаким "злодеем", который искусно манипулировал светским обществом. Словно гнусный волшебник, направлял он мнение света в нужное для себя русло и добивался с легкостью всего, чего желал.

Было бы непростительной ошибкой разбирать построения Ахматовой с точки зрения соответствия их исторической действительности. Ведь перед нами литературное произведение, которому лишь придана форма документального исследования. Ахматова описала, как бы ей хотелось видеть обстоятельства гибели Пушкина. А почему ей непременно нужно было отвести Наталье Николаевне именно такую роль в трагедии, наверное, смогут объяснить только специалисты.

Пожалуй, сегодня самое интересное в сочинении Ахматовой - это язык. Именно он может рассказать об Анне Андреевне больше, нежели она сама рассказала нам о гибели Пушкина.

Вот несколько примеров этого специфического языка. В работе Ахматовой едва ли не все действующие лица трагедии становятся жертвами одного человека - старой дипломатической лисы Геккерна, мастера склоки. Первая его жертва - сам Дантес, хотя некоторое время ему удавалось водить за нос своего названного отца. Затем наступила очередь Натальи Николаевны. "Она была задумана как передатчица Пушкину неудачи его политики", - пишет Ахматова. Наталья

Николаевна неплохо справилась "со своим заданием".

К этой роли была близка и Софья Николаевна Карамзина. Всего, чего угодно, добивался посланник и от Екатерины Николаевны Гончаровой. По мысли Ахматовой, они были буквально загнипнотизированы Дантесом. Прочие члены дантесовской "веселой шайки" "сообщали через своего главаря голландскому послу все, что делается у Пушкиных". "Также, несомненно, Геккерн организовал кавалергардов". Геккерну предстояло обеспечить почетное возвращение Дантеса в Европу "после провала петербургской карьеры". При этом Геккерн являлся "самым настоящим предателем по отношению к своей belle fille".

Наталья Николаевна не знала о том, что "в посольстве фабрикуется документ, порочащий ее честь". "Прижизненной победе Геккерна не приходится удивляться: проверенная в дипломатических интригах дипломатическая лиса должна была успешно провести всю операцию и даже замести следы, но как русское общество не разоблачило "котильонного принца" Дантеса?.." "Это опять информация Натальи Николаевны, и опять ложная". В другом варианте текста значилось: "Информация Натальи Николаевны (тоже направляемая Геккерном) была типичной дезинформацией".

Геккерн сразу и до конца понял линию поведения Пушкина". Геккерн знал, что Пушкин был намерен выставить Дантеса трусом и сделать его смешным, и стал превращать своего сына в героя. Дантес симулировал несчастную страсть на всех петербургских балах. Сплетники честно сделали свое дело, но надо было еще довести до сведения Пушкина, что Дантес - благородный молодой человек. В план Геккерна вошло возложить эту миссию на Наталью Николаевну. Она пересказывала мужу новеллы посланника о благородстве Дантеса, "становясь, таким образом, агенткой Геккерна". "Таким же агентом Геккерна был и Долгоруков - bapcal".

"Наталья Николаевна снабдила мужа достаточным материалом для бешенства самого безудержного". "Если январское письмо

"констатирование полного провала"... Все эти специфические выражения явно не пушкинского времени, они скорее из Третьего отделения, но не николаевского, а сталинской эпохи. Если бы все эти выражения вышли не из-под ахматовского пера, они все равно резали бы слух. И не только пушкинистам. Но когда подобный лексикон принадлежит Ахматовой, язык которой всегда ассоциировался с "царственным словом"...

Как бы ни была сильна духом эта женщина, и она оказалась беззащитной перед сталинским тоталитаризмом. Атмосфера шпиономании, постоянной борьбы с внешним и внутренним врагом, который опаснее внешнего, не могла не отравлять сознание и подсознание таких внутренне свободных личностей, как Анна Андреевна. Как бы ни был отгорожен ее внутренний мир от того, что происходило вокруг, газетная лексика проникала в язык художника. Да и жизнь Ахматовой складывалась так, что эти специфические выражения ей приходилось не только слышать по радио или читать в передовицах. Поскольку Анна Андреевна создавала "Гибель Пушкина" в 30-е годы, можно было бы отнести языковые особенности текста к намеренной стилизации под язык властей предрержащих, ко-

Даже сильные
духом женщины
беззащитны
перед эпохой

построено на информации, доставленной Натальей Николаевной, в ноябрьском чувствуются еще один голос".

"Можно предположить двойную игру Долгорукова, не он ли информировал Пушкина и дал ему материал для ноябрьского письма..." Письмо Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу - "это и есть констатирование полного провала пушкинской политики (он морально убит)".

"Передатчица", "задание", "предатель", "провести операцию", "ложная информация", "типичная дезинформация", "агент", "агентка", "сделать свое сообщение", "снабдить материалом", "построить на информации, доставленной", "дать материал",

торым такой язык был близок и понятен. Но Ахматова продолжала работу и в конце 50-х - начале 60-х годов. То есть даже во времена хрущевской "оттепели" поэта не исправила текст, не освободила его от ежовской или ждановской лексики. Более того, она продолжала писать тем же языком. Вот отрывок, датированный 1962 годом: "Можно себе представить, как хорошо была поставлена осведомительная служба Геккерна... Информация Натальи Николаевны (тоже направляемая Геккерном) была типичной дезинформацией..."

Язык сталинской эпохи настолько подсознательно вошел в "кровь и плоть" художника, что выражения типа "Наталья Николаевна - агентка голландского посла" не резали ее слух и тогда, когда ведущие политические деятели страны уже перестали время от времени становиться агентами иностранных разведок. Если уж поэт начинает говорить не на своем языке - это и есть подлинная трагедия художника.

Черт догадал ее родиться в России с душой и талантом.

Михаил САФОНОВ

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТАМНЫ

24 февраля 2001 г., № 39 (22829). - С. 10